

Функции хронотопа в поэмах Англосаксонской хроники

Инна Г. Матюшина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, innamat@hotmail.co.uk*

Аннотация. В статье аргументируется предположение, что в поэтических вставках в Англосаксонскую хронику сочетаются различные способы изображения времени: абсолютное календарное время от Рождества Христова (*Anno Domini*); сакральное время, заданное церковными праздниками; относительное время, измеряемое правлением монарха от восшествия на престол до кончины; генеалогическое время, основанное на династических именовании правителя и представителей его рода; пространственное время, определяемое хронотопом. Хронотоп выполняет композиционную функцию во всех поэмах Хроники: в «Битве при Бруннбурге» акцент на хронотопе позволяет расширить пространственно-временную перспективу и оценить значимость победы в масштабах вселенной; в «Завоевании пяти бургов» с помощью хронотопа легитимизируется освоение нового пространства и возвращение исконных земель; в поэтической вставке о коронации Эдгара Миролюбивого восшествие на трон земного монарха уподобляется благодаря хронотопу посвящению в чин духовного лица. Хронотоп поэмы о кончине Эдгара Миролюбивого приобретает апокалиптический символизм, устанавливая пространственно-хронологическую обусловленность природных катаклизмов и бедствий в стране кончиной короля. В поэме об убийстве Альфреда хронотоп получает аллюзивную функцию, наделяющую его ассоциациями с панегирической поэзией и позволяющую противопоставить былое величие англов их бесславному настоящему. Хронотоп в поэме о кончине Эдуарда Исповедника вводит контраст преходящей, временной власти над земным королевством и вечного спасения в мире ином. Изучение хронотопа в поэмах Англосаксонской хроники, проведенное в статье, позволяет пролить свет на восприятие времени и способы освоения пространства в средневековой Англии.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, Англосаксонская хроника, Битва при Бруннбурге, Завоевание пяти бургов, Коронация Эдгара, Кончина Эдгара, Кончина Альфреда Этельинга, Кончина Эдуарда Исповедника

Для цитирования: Матюшина И.Г. Функции хронотопа в поэмах Англосаксонской хроники // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 93–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-93-119

The functions of the chronotope in the Anglo-Saxon Chronicle poems

Inna G. Matyushina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
innamat@hotmail.co.uk*

Abstract. The article argues that the Chronicle poems depict not only events, such as victories over enemies or coronations or deaths of rulers, but also their spatiotemporal coordinates, presented in inextricable interdependence. The Chronicle poems, as demonstrated in the article, integrate various methods of measuring time: absolute calendar time based on the birth of Christ (Anno Domini); sacral time linking events to Church feasts; relative time assessed by the reign of a monarch from his accession to the throne until his death; genealogical time rooted in the dynastic names of the ruler and his ancestors; and spatial time defined by the use of the chronotope. In the *Battle of Brunanburh*, the chronotope broadens the spatiotemporal perspective, evaluating the victory on a universal scale. In the *Capture of the Five Boroughs*, the chronotope legitimises the acquisition of new space and the return of ancestral lands, ensuring long-lasting glory for the subject of praise. In the poem about the *Coronation of Edgar*, the chronotope establishes a parallel between the coronation of an earthly monarch and the consecration of the head of the Church, thereby affirming the king's dominion over a sacred space. The chronotope of the poem about the *Death of Edgar* acquires apocalyptic symbolism, establishing the spatiotemporal determinacy of natural cataclysms and disasters within the kingdom by the king's death. In the poem on the *Death of Alfred*, the chronotope is imbued with allusive functions that contrast the past greatness of the nation with its treacherous present. The chronotope in the poem concerning the *Death of Edward* presents a contrast between the fleeting, temporary power over terrestrial space, which is handed down to a worthy successor (Harold Godwinson), and the promise of eternal salvation in the heavenly kingdom. The study of the chronotope in the poems of the Anglo-Saxon Chronicle, as conducted in the article, sheds light on the perception of time and space acquisition in medieval England.

Keywords: chronotope, time, space, Anglo-Saxon Chronicle, Battle of Brunanburh, Capture of the Five Boroughs, Death of Alfred, Death of Edward, Coronation of Edgar, Death of Edgar

For citation: Matyushina, I.G. (2025), "The functions of the chronotope in the Anglo-Saxon Chronicle poems", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 93–119, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-93-119

Англосаксонская хроника содержит шесть поэтических вставок, которые сохранились в четырех рукописях: Паркерской хронике (рукопись A: MS. 173, Corpus Christi College, Cambridge, X в.), Первой Абингдонской хронике (рукопись B: MS. Cotton Tiberius A.vi, X в.), Второй Абингдонской хронике (рукопись C: MS. Cotton Tiberius B.i, XI в.) и Вустерской хронике (рукопись D: Cotton MS Tiberius B IV, XI в.). Все дошедшие до нас поэмы Хроники посвящены правителям Британских островов: они воспевают победы английских монархов («Битва при Брунанбурге» 937 г., «Завоевание пяти бургов» 942 г.), изображают восшествия на престол («Коронация Эдгара» 973 г.), смерть королей или наследников престола («Кончина Эдгара» 975 г., «Кончина Альфреда» 1036 г., «Кончина Эдуарда» 1065 г.). Поэмы Англосаксонской хроники обращены не к германскому героическому прошлому, но к современным событиям и потому представляют собой не менее важный источник исторических сведений, чем прозаическая часть Хроники. Поэмы Хроники не раз привлекали внимание исследователей [Bredehoft 2001; O'Brien O'Keefe 2005; Trilling 2009, pp. 194–213; Clarke 2012, pp. 57–79], однако, насколько известно, не рассматривались в связи с изображением пространства и времени. В предлагаемой статье аргументируется предположение о том, что в поэтических вставках в Англосаксонскую хронику увековечиваются не только изображаемые события, но их пространственно-временные координаты, явленные в неразрывной взаимообусловленности.

1. Хронотоп в «Битве при Брунанбурге»

Композиция поэтического текста, включенного в Хронику под 937 г. и посвященного прославлению победы короля Этельстана, определяется хронотопом вводной части, развернутым в качестве рамочной конструкции («в это лето» – «в битве... под Брунанбургом»): «В это лето Этельстан / державный, // кольцедробитель, / и брат его, наследник, // Эдмунд, в битве / добыли славу // и честь всевечную / мечами в сечи // под Брунанбуром» (*пер.*

В.Г. Тихомирова)¹. Хронологические координаты (летом 937 года от Рождества Христова) объединяются с пространственными (*umbe Brunanburh*), которые устанавливаются в зависимости от интерпретации словосочетания с предлогом *umbe* – «вокруг», прилагательным *brunap* – «коричневый» и существительным *burh* – «укрепленное поселение, крепость»². *Brunanburh* можно понять не только как сложное собственное имя (топоним Брунанбург), но и как два имени нарицательных («коричневая крепость») или одно нарицательное («крепость») и одно собственное (топоним Брун), т. е. крепость Бруна. В зависимости от этого можно предполагать, что битва велась у (или вокруг) «бурга», возможно, стоящего на реке Брун, или у «коричневой крепости», или у Брунанбурга³.

В описании схватки на мечах («рубили щитов ограду... Эадверда отпрыски, / как это видится // в их роде от предков, / ибо нередко недругов // привечали они мечами, / защищая жилище, // земли свои и золото, / и разили противника», *пер. В.Г. Тихомирова*) временное измерение вводится с помощью отсылки к «их роду от предков» и династического именованя правителей – Этельстан и его младший брат Эдмунд называются «отпрысками Эадверда» (*afaran Eadweardes*). Упоминание об отце Этельстана и Эдмунда уэссекском короле Эдуарде Старшем, сыне Альфреда Великого, воскрешает в памяти аудитории, к которой обращена поэма, его славные деяния на благо страны: расширение границ королевства, возведение крепостей, победы над викингами, завоевание пяти бургов (Дерби, Лестера, Стэмфорда, Ноттингема и Линкольна), присоединение Эссекса, полное подчинение Мерсии. Генеалогия используется в поэме как средство временной отсылки к прошлому – «к их роду от предков», т. е. к Эдуарду Старшему и Альфреду Великому, в то время как локализация событий прошлого связа-

¹ Здесь и далее перевод «Битвы при Брунанбурге» В.Г. Тихомирова цит. по: Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. (Лит. памятники)

² Текст «Битвы при Брунанбурге» цит. по: *The Anglo-Saxon minor poems // Anglo-Saxon poetic records / ed. by E.V.K. Dobbie. N.Y., 1942. Vol. 6. P. 16–20.*

³ Определение места сражения, для которого привлекают данные археологии, топонимики, письменные свидетельства и фольклорные предания, до сих пор вызывает наибольший интерес исследователей. Предлагались более 30 топонимов, производных от слов с компонентом Брун-, однако большая их часть отвергалась на основании лингвистического анализа [Cavill 2008, pp. 303–319; Cavill 2011, pp. 251–276; Cavill 2023, pp. 19–38].

на со «страной, сокровищем и домами» (*land ealgodon, hord and hamas*), которые правителям Уэссекса приходилось оборонять от врагов.

Как средство обозначения пространства употребляются этнонимы: «скотты и мореходы» – *Sceotta leoda and scipflotan*, «северные мужи» (скандинавы) – *guma norþerna*. Пространственное измерение сопрягается с временным: целый день продолжается кровавая сеча («сколько скоттов / и морских скитальцев // обреченных пало / – поле темнело // от крови ратников / с утра, покуда, // восстав на востоке, / светило славное // скользило над землями, / светозарный светоч // Бога небесного, / рубились благородные, // покуда не покоились», *пер. В.Г. Тихомирова*). С помощью хронотопа изображается локализация в пространстве поля боя, которое «темнело от крови мужей» (*feld dænnede / secga swate*), и хронология битвы от ее начала («на рассвете») до ее завершения – на закате. Пространственные координаты (поле сражения) неразрывно связаны с временными указателями («с утра, покуда, восстав на востоке, светило славное, скользило над землями»). Как замечает О.А. Смирницкая, «поле битвы, над которым солнце совершает свой дневной путь, обозревается с некоей высокой точки, соответствующей масштабности событий» [Смирницкая 1982, с. 304–305]. Хотя в битве при Брунанбурге участвуют только англосаксы, скандинавы и скотты, ее описание в поэме предстает картиной всеобщего, тотального уничтожения.

Ключевые мотивы всемирной сечи воспроизводятся во второй части поэмы, которая открывается наречием места *raeg* – «там», использованном во временном значении («тогда»): «тогда/там полегло много мужей, копьями уничтоженных»; «скольких северных // мужей в сраженье / положили копейщики // на щиты, уставших, / и так же скоттов, // сечей пресыщенных». Время сражения выступает в неразрывной связи с его локализацией: скандинавы и скотты пали в битве, которая длилась один день. Те, кому удалось спастись, бежали с поля боя, уэссекская конница преследовала их до ночи: «косили уэссекцы, // конники исконные, / доколе не стемнело, // гоном гнали / врагов ненавистных, // беглых рубили, / сгубили многих // клинками камнеостренными» (*пер. В.Г. Тихомирова*). Локализация битвы расширяется благодаря введению пространственного мотива преследования и вновь сопрягается с обозначением временного промежутка – действие поэмы происходит «доколе не стемнело».

Хронотоп третьей части поэмы тоже вводится с помощью наречия места *raeg* – «там», наделенного временной семантикой («тогда»). Пространственные координаты приобретают в этой

части семантическую нагруженность и доминируют над хронологией: бегство побежденного войска по Дингес-морю назад в Дублин противопоставляется триумфальному возвращению победителей в Уэссекс. В описании вражеского отступления глаголы с семантикой перемещения в пространстве используются четыре раза, обозначая серию параллельных действий (кинулся – отчалить – уносит – упасает): «Кинулся в бегство // знатный норманн – / нужда его понудила // на груди ладейной / без людей отчалить, – // конь морской по водам / конунга уносит // по взморью мутному, / мужа упасая» (*пер. В.Г. Тихомирова*). Параллелизм в изображении пространственного перемещения противников скрывает контраст: Анлаф (Олав) явился воевать с королем Этельстаном «по бурным волнам» (*ofer æra gebland*), теперь он бежит «по взморью мутному» (*on fealene flod*); «седовласый воин» Константин пустился в бегство и покинул юного сына, который навечно остался на поле павших из-за полученных ран (*and his sunu forlet on wælstowe wundum forgrunden, geonge æt gude*)⁴. При помощи хронотопа подчеркивается и возрастное противопоставление Константина и его юного сына, и пространственно-временное (бегство с поля боя «седовласого воина» и вечный покой его сына), и морально-этическое (вызывающая презрение трусость старика и достойная восхищения отвага сына).

Использование хронотопа позволяет создателю поэмы изобразить разгром скандинавов в X в. в пространственно-временной перспективе Великого переселения народов и завоевания англосаксами Британии: «Не случилось большей // сечи доселе / на этой суше, // большего в битве / смертоубийства // клинками сверкающими, / как сказано мудрецами // в старых книгах, / с тех пор, как с востока // англы и саксы / пришли на эту // землю из-за моря» (*пер. В.Г. Тихомирова*). С помощью хронотопа, заключающего песнь, значение битвы при Брунанбурге оценивается не только для того поколения англосаксов, безопасность которых обеспечена правлением великих уэссекских королей (от Альфреда Великого до его внука Этельстана), но и для всей страны (пространственная перспектива) и ее истории (временные координаты): «доселе, на этой суше»; «с тех пор, как пришли на эту землю». Если в начале поэмы речь идет о династии уэссекских королей, наследниками которых называются Этельстан и Эдмунд, то в заключении их победа

⁴ Ср. замечание Н.Ю. Гвоздецкой о том, что «целостный образ битвы... последовательно разложен на компоненты, которые позволяют представить живописную картину сражения, как бы разворачивающегося на глазах у читателя» [Гвоздецкая 2000, с. 82].

изображается в широчайшем историческом контексте, как событие важное не только для Уэссекса, но и для всего народа. Прозаические записи Англосаксонской хроники остаются в сфере интересов Уэссекса (или Мерсии), однако ее поэтические вставки расширяют национальные границы, обобщая и размах сечи, и величие победы до вселенских масштабов.

2. Хронотоп в поэме «Завоевание пяти бургов»

Поэма о завоевании пяти бургов в 942 г. воспевает восстановление королевства в границах, унаследованных от знаменитых предков: область пяти бургов, завоеванная Эдуардом Старшим, отцом короля Эдмунда, была захвачена в 939 г. Олавом Гудфридссоном, королем Дублина и Йорка, и Эдмунду удалось вернуть ее под власть Уэссекса лишь три года спустя. В рукописях поэма предваряется наречием места *her* – «здесь» во временном значении «тогда»: «Тогда король Эдмунд, правитель англов, хранитель мужей, дорогой вершитель дел, покорил Мерсию, которую обрамляет Дор, Врата Уайтвелла, и река Хумбра, широкий морской проток. Пять бургов, Лестер и Линкольн, Ноттингем, и также Стэмфорд и Дерби» (1–5)⁵. Композиция поэмы определяется хронотопом: покорение Эдмундом Мерсии, включающей область пяти бургов, помещается в сетку временных («тогда» – *her...* «прежде» – *æðog...* «долгое время» – *lange þrage...* «пока» – *of*) и пространственных координат (к названию области добавляется определительное придаточное, вводящее список уточняющих топонимов: «которую обрамляет Дор, Врата Уайтвелла и река Хумбра»). Список топонимов, включающий названия пяти бургов («Лестер и Линкольн, Ноттингем, Стэмфорд и Дерби»), представляет собой интерполяцию, синтаксически независимую и от первой, и от второй части поэмы. Семантически этот список связан с ее первой частью, следовательно, его можно считать пространственным расширением топонима Мерсия, закрепляющим в памяти людей распространение королевской власти на вновь возвращенные регионы.

Завоевательная кампания пяти бургов представляется создателем поэмы как поход ради духовного освобождения поработщенного населения Мерсии: «Даны были прежде долгое время силой

⁵ Здесь и далее текст поэмы о завоевании пяти бургов цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 20–21; перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

принуждены северными мужами к узам язычества, пока их не освободил защитник воинов, сын Эдуарда, король Эдмунд, себе во славу». Освободителем Мерсии в поэме изображается Эдмунд – он «прошел, покорил» (*geeode*), «развязал узы, освободил» (*alysde*) данов. Если король показан активным субъектом, «вершителем дел» – *dædfruma*, «защитником воинов» – *wiggendra hleo*, «хранителем мужей» – *taesgea mundbora*, то с освобожденным им народом (данами – *Dæne*) ассоциируется религиозная, духовная, пространственная пассивность. С Эдмундом создатель поэмы связывает мотив движения, доминантный для хронотопа: он будто врывается в замкнутое ограниченное пространство и прерывает насильственное заключение его обитателей, разбивая их оковы. Напротив, даны, как и населяемое ими пространство, описываются как пассивные объекты действия: Мерсия отделена рекой, а ее жители скованы узами язычества. Создатель поэмы разграничивает «данов» (*Dæne*) хронологически и локально, т. е. отделяет второе и третье поколение викингов, осевших на Британских островах и обратившихся в христианство, от «северных мужей» (*Nordmenn*), «язычников» (*hæfena*), вторгшихся в страну вместе с Олавом Гудфридссоном и его вождями⁶. Четырнадцатилетнее правление Этельстана, как полагают исследователи [Stenton 1971, p. 354], привело к тому, что даны в восточной Мерсии стали считать себя законными подданными английского короля.

Согласно хронологии Симеона Даремского, местность пяти бургов находилась под скандинавским владычеством не более двух лет⁷. Однако создатель поэмы утверждает, что «даны были долгое время силой принуждены северными мужами к узам язычества». Использованное в поэме формульное выражение «долгое время» – *lange þrage* может показаться эпическим преувеличением, особенно если вспомнить, что в древнеанглийском эпосе это словосочетание обычно употребляется для обозначения длительного периода времени (ср. «долго – *longe þrage* – правил твердыней данов Беовульф датский» – 54, *пер. В.Г. Тихомирова*)⁸. Скорее всего, в контексте поэмы о завоевании пяти бургов семантика формулы ослаблена, а сама формула использована как технический прием или поэтическое клише.

⁶ Mawer A. The redemption of five boroughs // *English Historical Review*. 1923. Vol. 38. No. 152. P. 544–555.

⁷ *Simeon of Durham. Historia regum Anglorum (sub anno 939)* // *Symeonis monachi opera Omnia* / ed. by T. Arnold. Cambridge, 2012. Vol. 2. P. 94.

⁸ То же словосочетание употребляется в «Беовульфе» для обозначения периода времени, не превышающего суток (1257).

Формульные именованья главного и единственного героя поэмы включают указание на его генеалогию («отпрыск Эдуарда, Эдмунд конунг» – *afera Eadweardes, Eadmund cyning*), т. е. отсылают к прошлому героя. Династическое обозначение, очевидно, употребляется как знак воинской доблести и благородного происхождения правителя, унаследованного от его знаменитых предков. Помимо династических именований, в поэме о завоевании пяти бургов используется синонимичное словосочетание, включающее этноним: «правитель англов» – *Engla þeoden*, основанное на паронимастическом использовании омонимов *engle* – «ангел» и *Engle* – «англ»⁹, регулярно воспроизводимом в духовном эпосе в обозначениях Бога («Книга Бытия» 2643, «Исход» 432, «Христос» 332, 791, «Андреас» 290, 900). Обозначения правителя, ассоциирующиеся с духовными поэмами, соответствуют контексту поэмы о короле-воине и христианине, призванном освободить народ от уз язычества.

Перегруженность именами – в 13 строках имена собственные используются три раза (*Eadmund 1a, 13b, Eadweard 13a*), топонимы – восемь раз (*Dor, Hwitanwyllesgeat, Humber, Ligoraceaster, Lincylene, Snotingham, Stanford, Deoraby*), этнонимы – четыре раза (*Engle, Myrce, Dæne, Nordmenn*), – дало основание исследователям предполагать, что поэма о завоевании пяти бургов имеет не панегирическую, но мнемоническую функцию [O'Brien O'Keefe 1990, p. 123]. Можно, однако, высказать и другое предположение, сравнив древнеанглийскую поэму с панегирическими стихами скальдов, тоже включающими списки топонимов как средства доместикации покоренного пространства. В древнеанглийской поэме, как и в скальдических висах, на топонимы, этнонимы и собственные имена возлагаются важные коммуникативные задачи – они превращают условное описание битвы в сообщение о конкретном историческом сражении. Называние собственных и династических имен, отсылающих к великому прошлому правителя, списки отвоеванных земель и освобожденных народов, указывающих на освоение нового пространства и возвращение исконных земель, индивидуализируют ситуацию и служат прославлению героя. Главные функции хронотопа, на котором основана композиция поэмы, воспевающей хвалу правителю, состоит в том, чтобы обеспечить ему долгую славу и легитимизировать в памяти людей возвращение им пространства, завоеванного предками. В отличие от древнеанглийских героических песней, повествовательных, устремленных в прошлое и почти никогда, за исключением «Битвы

⁹ Прием паронимастии *angelorum* – *anglorum* восходит к Бэде Достопочтенному [Karkov 2004, p. 88].

при Брунанбурге», не избирающих своим предметом сиюминутное настоящее, поэма о завоевании пяти бургов – в полном смысле панегирик королю, которому историк XII в. Иоанн Вустерский дал прозвище Великолепный (*Magnificus*), сохранившееся в веках.

3. Хронотоп в поэме «Коронация Эдгара»

Поэму «Коронация Эдгара» обычно относят к жанру королевского панегирика [Salvador-Bello 2008, pp. 252–272; Carroll 2007, pp. 113–132; Smith 2011, pp. 105–137], однако восхваление короля в ней отсутствует. В поэме дается указание на время от Рождества Христа и сообщается о месте коронации Эдгара Мирюлюбивого: «973 г. Тогда Эдгар, властитель англов, был посвящен в правители в большом собрании в древнем городе Акеманнескеастер... Так почти тысяча лет пробежала со времени Господа Побед, когда это произошло, и отпрыску Эдмунда, стойкому в ратных деяниях, исполнилось двадцать девять зим в этом мире, когда это случилось, и тогда на тридцатый год он был посвящен в правители»¹⁰. Первые и последние строки поэмы посвящены пространственно-временным координатам изображаемого события, следовательно, ее композиция задана хронотопом.

Имя короля употребляется в поэме только один раз в утверждении о его возрасте: «973 г. Тогда Эдгар, властитель англов...», король называется здесь при помощи этнонима, указывающего на место его правления: «властителем англов» – *Engla waldend*, в котором обыгрываются паронимы (англы – ангелы). В последних строках король именуется при помощи генеалогической формулы – «отпрыском Эдмунда» (*Eadmundes eafora*), «стойким в ратных деяниях» (*pidweorca heard*). В контексте поэмы это династическое именование можно истолковать как напоминание о воинской доблести короля, унаследованной от предков: отец Эдгара, король Эдмунд, покорил Мерсию, включающую область пяти бургов.

Возраст короля дважды упоминается в поэме: *haefde nigon and XX wintra on worulde* (17–18) – «ему было двадцать девять зим в мире», «он был миропомазан на тридцатый год жизни (*ƿa on ðam XXX wæs ðeoden gehalgod*, 20). Тридцать лет – это минимальный возраст для духовного посвящения; к тридцатилетнему возрасту Евангелист Лука относит «помазание» Христа Духом Святым во время крещения и начало Его служения (Лк. 3:23). Указание на

¹⁰ Текст поэмы «Коронация Эдагара» цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 21–22, перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

возраст соотносится в поэме с календарными координатами: король Эдгар был миропомазан (*gehalgod* 2b, 20b) в праздник Пятидесятницы (8a) или праздник сошествия Святого Духа, отмечавший начало существования Церкви: «Великая радость была сотворена для всех в тот благой день, который дети людей называют и именуют днем Пятидесятницы». Упоминая праздник, традиционный для церемоний крещения и епископского рукоположения, создатель поэмы имплицитно уподобляет короля духовному лицу, а церемонии его коронации – посвящению в духовный чин¹¹. Он говорит, что на церемонии присутствует большое число священников и монашеской братии («Там собрались, как я слышал, священники многие, великая сила монахов, ученых людей»), создавая образ единой и неделимой Церкви, поддерживающей своего монарха [Salvador-Bello 2008, p. 261]. Коронация короля соотносится с сакральным временем – церковным праздником Пятидесятницы.

Как и время, место, где происходила церемония, неоднократно упоминается создателем поэмы. Коронация совершается «в древнем городе Акеманнескеастер», который «мужи, живущие на острове, именуют... также иным словом – Бат». Очевидно, для создателя Хроники важно подчеркнуть, что церемония происходила не в Кингстоне, обычном месте коронования уэссекских королей, о коронации которых в Хронике обычно сообщается сугубо лаконично (ср. «924 г. от Р.Х. ... Этельстан был избран королем мерсийцами и посвящен в Кингстоне»¹²). Коронация Эдгара совершилась в Бате – городе, который был основан римлянами, возможно, самим Юлием Цезарем, и считался в римские времена сакральным местом, посвященным богине Сулис Минерве. Создатель поэмы не случайно приводит его латинизированное название (Акеманнескеастер – *Acemannes ceaster*¹³), первый компонент которого, возможно, связан с латинским названием города *Aquae Sulis*. Бат находится на границе Уэссекса и Мерсии, т. е. одновременно принадлежит двум центральным областям страны, господство над которыми удостоверяет церемония коронации.

Хронотоп в поэме о коронации сближает ее с прозаическими записями Англосаксонской хроники, составители которой неизменно

¹¹ Описание коронации Эдгара сохранилось в «Житии Святого Освальда» Бюрхтферта (997 г.), который изображает ее как посвящение в сан духовного владыки См.: *Byrhtferth V.O. The historians of the Church of York and its archbishops* / ed. by J. Raine. L., 1879. Vol. 1. P. 437. (Rolls Series; vol. 71)

¹² Two of the Saxon Chronicles parallel: with supplementary extracts from the others. A revised text edited with introduction, notes, appendices, glossary / ed. by J. Earle, Ch. Plummer. Oxford: OUP, 1963. Vol. 1. P. 111.

¹³ *Acemannes ceaster* или *Acemannes burh* – название города Бат.

сопровождает каждое событие его пространственно-временной характеристикой, включающей указание на абсолютную хронологию Anno Domini (ср., например, приведенную выше запись: «924 г. от Р.Х. Тогда Этельстан был избран королем мерсийцами и посвящен в Кингстоне»). В поэме о коронации присутствуют и другие черты анналистической прозы. Как и все прозаические записи, она начинается с наречия «здесь, в этом месте» – “her”: Her Eadgar wæs... to cunþinge gehalgod – «Здесь Эдгар был помазан в короли». Употребление наречия “Her”, которое обычно переводят как «тогда», восходит к условным обозначениям, принадлежащим писцу и отмечающим то место, где к анналам должен был добавлен текст.

Композиционно поэма о коронации близка к анналистической прозе. Поэма начинается с констатации факта: Эдгар был помазан на царство, затем называется то место, где это произошло (Акеманнескеастер или Бат), и время (праздник Пятидесятницы), упоминается о присутствующих на торжестве, в заключение приводятся числа, отделяющие это событие от Рождества Христова, и возраст Эдгара. Коронация земного монарха дважды соотносится в поэме с пришествием в мир Спасителя: «К тому времени из прошедших десяти сотен зим, посчитанных числом со времени рождения прославленного Конунга, Хранителя светочей, осталось только двадцать семь зим, как говорится в писаниях», «пробежала почти тысяча лет по приходе победоносного Господа, когда это произошло». Помазание Эдгара на царство тем самым помещается в контекст всей христианской истории. Хронологии коронации создатель поэмы уделяет особое внимание – ему посвящена почти половина всех строк, в которых на время церемонии несколько раз указывается при помощи эпической вариации: дважды говорится о надвигающемся конце тысячелетия, возможно, в связи с миллениаристскими настроениями («пробежала почти тысяча лет», «к тому времени из прошедших десяти сотен зим»). Можно сделать вывод о том, что не только описание коронации составляет основное содержание поэмы, но и сакральность ее пространственно-хронологического воплощения.

4. *Хронотоп в поэме «Кончина Эдгара»*

На хронотопе основана композиция поэмы, сообщающей о кончине Эдгара Миролюбивого через два года после его коронации¹⁴.

¹⁴ Этой поэме обычно отказывали в поэтических достоинствах, называя ее аллитерированной прозой. См.: The battle of Brunanburh // ed. by A. Campbell. L.: Heinemann, 1937. P. 37.

Главный акцент в ней ставится на хронологии, так как называется не только год, но и месяц и даже день, когда произошло событие: «975 г. В этот год оставил земные радости Эдгар, король англов, он избрал иной свет, прекрасный и радостный, и покинул это скудное и преходящее житие. Сыны людей, мужи на земле, повсюду в этой благой стране, те, кто были правильно научены искусству счета, июлем называют тот месяц, на восьмой день которого юный Эдгар, кольцедаритель мужей, расстался с жизнью. Его сын после этого наследовал королевство, малое дитя, предводитель мужей, чье имя было Эдуард»¹⁵. Может показаться, что в поэме отсутствует структурное единство¹⁶, однако все перечисляемые в ней события подчинены единой пространственно-временной схеме: событие происходит «в благой стране» «на восьмой день июля» 975 г. Как и в памятниках древнегерманского эпоса, в основе поэмы лежит представление о том, что хороший правитель несет благоденствие своей стране, а его кончина сопровождается народными бедствиями и вселенскими катастрофами¹⁷.

Если поэма о коронации Эдгара и другие поэмы Англосаксонской хроники, например «Битва при Брунанбурге», открываются наречием места (Her – «здесь») во временном значении («тогда») и именем короля, о котором в них рассказывается (Her Eadgar wæs..., Her Æthelstan cyning...), то в поэме о кончине Эдгара в абсолютном начале стоит личная форма глагола *geendian* – «завершить, закончить», за которой следует прямое дополнение *eorðan dreamas* – «земные радости», предшествующее подлежащему *Eadgar, Engla cyning* – «Эдгар, король англов». Стилистическая инверсия позволяет выделить мотив окончания земного бытия и во временном, и в пространственном значении. Эдгар изображается здесь как активно действующее лицо: он по своей воле «оставил земные радости» – *geendode eorðan dreamas*, «избрал иной свет» – *ceas... oðer leoht*, «покинул это скудное и брренное житие» – *þis wæce forlet, lif þis læne*. Действия короля передаются при помощи переходных глаголов в активном залоге, помогающих подчеркнуть добровольность выбора. Предпочтение вечного и отказ от преходящего, сиюминутного сближает образ короля в поэме Хроники с героем

¹⁵ Здесь и далее текст поэмы о кончине Эдгара цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 22–24, перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

¹⁶ Именно так полагает большинство исследователей, ср., например: [Salvador-Bello 2008, p. 265].

¹⁷ В заключении «Беовульфа» геатская плакальщица провидит грядущие беды, которыми чревата гибель правителя (3148–3155).

древнеанглийской элегии «Морестранник», которому принадлежат памятные слова: «ведь только Господним я дорожу блаженством, а не жизнью мертвой, здесь преходящей, ведь я не надеюсь, что на земле сей благо продлится вечно» (65–67, *пер. В.Г. Тихомирова*). Как и в древнеанглийских элегиях, для обозначения героя в поэме используется традиционная поэтическая лексика – Эдгар называется «юным» (*se geonga*), «кольцедарителем мужей» (*beoƿna beahgyfa*), а наследовавший ему Эдуард именуется «предводителем мужей» (*eorla ealdor*). Обозначение почившего Эдгара как «юного» (*se geonga*), а его наследника – как малого, «невывосшего ребенка» (*cild unweaxen*), тоже подчеркивает временной мотив внезапной кончины короля и предвосхищает грядущие беды.

В элегический тон поэмы, повествующей о бренности всего земного, властно вмешивается ключевой для Хроники мотив времени: юный, безвременно покинувший земные радости король, его малютка сын, июль, восьмое число, мужи, наученные правильному летоисчислению. Во всей поэме об Эдгаре говорится всего в восьми строках из 37, основная ее часть представляет собой версифицированный перечень различных событий 975 г., которые повлекла за собой кончина короля. Как и в прозаических записях, сообщение о каждом из этих событий предваряется вводным союзным наречием времени *ƿa* – «тогда, потом, в это время», отмечающим переход к новой теме (ср. *ƿa wearð* 16, 24, 29). Повторы, с одной стороны, нагнетают впечатление усиливающегося несчастья, – каждое следующее событие оборачивается новой бедой, а с другой, имплицитно устанавливают причинно-следственную хронологическую связь, соотнося каждое событие с предшествующим. Хотя в перечне отсутствует синтаксическое подчинение, а все сообщения о произошедших событиях объединены сочинительной связью, сама последовательность сцен в поэме предполагает, что все они вызваны кончиной короля, рассказ о которой содержит первая часть.

Вторая часть поэмы начинается с сообщения о том, что предшествовало воцарению юного Эдуарда – в Мерсии произошла смута, сопровождавшаяся рассеянием монастырей: «Тогда везде и повсюду в Мерсии, как я слышал, хвала Господу была на земле низвергнута. Многие из мудрых слуг Божиих были рассеяны». В этих строках идет речь об антимонастырской реакции, наступившей в краткий период правления Эдуарда¹⁸. Кончина короля Эдгара развязала руки противникам монастырской реформы, пожелавшим вернуть отданные монастырям земли. В поэме, включенной в

¹⁸ *Fisher D.J.V.* The anti-monastic reaction in the reign of Edward the Martyr // *Cambridge Historical Journal*. 1952. Vol. 10. P. 254–270.

Паркерскую и Абингдонские рукописи Хроники, отсутствуют их имена. Создатель поэмы использует пассивные конструкции: *wæs... afulled* – «была низвергнута», *weard todraefed* – «были рассеяны», *wæs forsewen* – «был отвергнут», изображая монахов жертвами настигших их бед. Отсутствие активных конструкций помогает создателю поэмы не называть виновных и избежать осуждения. Однако временные координаты остаются сопряженными с пространственными («Тогда везде и повсюду в Мерсии») и во второй части поэмы: повторяется наречие времени «тогда» (*þa*) и топоним Мерсия, указывающий на место катастрофических для страны событий.

Хронотоп в поэме приобретает почти апокалиптический символизм: во время краткого правления Эдуарда в небесах появляется комета, в стране наступает голод, однако Господь спасает людей, возвращая им благую участь: «И тогда появилась высоко в небесах звезда на небосклоне, которую герои, твердые духом, мудрые разумом, люди, искусные в знании, мудрые речами, везде называют именем кометы. Гнев Господа был широко известен всему роду людскому, голод на земле, который потом Хранитель небес, Господин ангелов, облегчил, снова вернул благодать каждому жителю острова земными плодами». Упоминания о природных катаклизмах, таких как появление кометы, нечасто встречаются в записях Хроники и неизменно предрекают грядущие беды, мятежи, гибель правителей¹⁹. В поэме об Эдгаре приближение кометы предвещает и голод в стране, и «династический кризис» – борьбу за престол двух наследников, предвосхищая гибель одного из них.

Подобно поэме о коронации, поэма о кончине Эдгара имеет кольцевую композицию, которая задается пространственно-временными координатами изображаемого события: она открывается и завершается пространственным образом земли (*eorðan*), который ассоциируется с радостью в настоящем (*eorðan dreamas* – «земные радости»), с надеждой на будущее искупление с изобилием плодов земных (*eorðan westm*). Главное для создателя поэмы – не столько судьба земного владыки, кончина которого рассматривается в контексте других бедствий: голода, рассеяния монастырей, изна-

¹⁹ Так, в основных рукописях Хроники за 903 г. рассказывается о восстании Этельвольда; в Мерсийской рукописи (*Mercian Register*) добавляется запись за 904 г. о лунном затмении, которое сопровождало это восстание. Во Второй Абингдонской рукописи (C) запись за 978 г. сообщает о мученической гибели короля Эдуарда, в следующей записи говорится о «кровоном облаке, похожем на огонь» (*blodig wolcen... on fyres gelicnesse*) (*Two of the Saxon Chronicles parallel*. P. 128).

ния епископа и алдермена, сколько хвала Всемогущему Создателю (waldendes lof), дающего людям надежду на вечное спасение после всех смут и природных катаклизмов²⁰.

Поэмы о короле Эдгаре, включенные в Паркерскую и Абингдонские рукописи, трудно отнести к королевским панегирикам, так как в них говорится не столько о самом короле, сколько о времени и месте связанных с ним памятных событий – его коронации (973 г.) и кончине (975 г.). Акцент на хронотопе позволяет предположить, что поэмы об Эдгаре функционально тождественны прозаическим записям. Подобно прозаическим анналам, поэмы об Эдгаре отмечают время и пространство, помещая изображаемые события (коронацию и кончину) в контекст всеобщей истории Спасения.

5. Хронотоп в поэме «Кончина Альфреда»

Пространственно-временные рамки определяют композицию поэтической вставки «Кончина Альфреда», в которой земные страдания мученика противопоставляются вечному блаженству, ожидающему его после смерти: поэма строится на контрасте наречий þa – «тогда» и nu – «ныне». Повествовательная структура первой части обусловлена рамочной конструкцией, которая включает наречие времени (syþþan – «после»): Ne wearð dreorlicre dæd / gedon on þison earde, // syþþan Dene common / and her frið namon – «Не было совершено на этой земле деяния страшнее, / После того как пришли даны и мир здесь заключили (или нарушили)»²¹. В отличие от «Битвы при Бруннбурге», в которой та же формула (Ne wearð... syþþan – «не было... с тех пор, как») соотносит торжество победы с другим важным событием – переселением народов и приходом англосаксов на Британские острова, в поэме об Альфреде за основу хронологической соразмерности берется трагический эпизод английской истории. Убийство Альфреда называется создателем поэмы самым кровавым преступлением, совершенным с тех пор, как Кнут и его потомки захватили английский престол. Импли-

²⁰ Следует согласиться с мнением, высказанным Дж. Кэрролл: «смысл поэмы о кончине Эдгара... состоит в том, что смерть короля не более чем часть Божественного промысла, непостижимого, но великого, и жизнь человека, даже короля, ничто по сравнению с последующей жизнью в райском блаженстве» [Carroll 2007, p. 125].

²¹ Текст поэмы «Кончина Альфреда» цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 24–25; перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

цитно присутствующие ассоциации с хронологическими рамками предшествующих поэм заставляют аудиторию осознать, до каких глубин падения дошел народ, допустивший скандинавов в свою страну и позволивший им править собой. Даны занимают в поэме о смерти Альфреда место англосаксов, и в качестве завоевателей Британии, и в качестве правящей династии, которая пришла на смену уэссекским королям, сознательно и жестоко уничтоженным своею же знатью. Создатель поэмы возлагает на англосаксов вину не только за скандинавское завоевание, но и за убийство Альфреда, обвиняя в злодеянии Годвине и уподобляя совершенное им предательство государственной измене [Bredehoft 2001, pp. 110–111]. Хронотоп приобретает в поэме об убийстве Альфреда аллюзивную функцию, наделяющую его ассоциациями с панегирической поэзией и позволяющую подчеркнуть контраст между величием прошлого и бесславным преступным настоящим.

Строки, задающие новую временную точку отсчета (завоевание данов), разделяют поэму на две части. Разрыв между частями отмечается употреблением в абсолютном начале строки наречия *Nu* – «теперь, ныне», палеографически выделенного в Абингдонской рукописи черным минускулом высотой 4 мм [O'Brien O'Keefe 2005, p. 106]: «Ныне должно верить в Возлюбленного Господа, что те, кто без вины, были так жестоко убиты, ликуют радостно со Христом». С помощью палеографии акцентируется переход к кульминации поэмы, описанию мученической смерти и погребения Альфреда Этелинга. Во второй части создатель повествует об участии самого Этелинга (11–16), следуя той же антитетической схеме: сначала говорит об увечьях, нанесенных телу, и о месте погребения (18–20а), а затем завершает утверждением, что душа Альфреда пребывает с Христом (20b).

Повествовательная канва второй части поэмы тоже задается пространственно-временной рамочной конструкцией: «Этелинг был еще жив, всяческим злом ему грозили, / Пока не было решено, что его отвезут / Так связанного в город Эли. / Как только он пристал (к берегу) на корабле, его ослепили, / И так ослепленного доставили его к монахам. / И там он пребывал то время, что был жив. / Потом его похоронили, как ему подобало, / С полным почетом, как он был достоин». Благодаря употреблению хронотопа место действия (в город Эли, на корабле) сопрягается с наречиями времени («еще», «пока», «то время», «потом»), которые пронизывают вторую часть поэмы. Текст заключается указанием не только на время, но и на место погребения Альфреда: «На западной стороне, близко от башни, / В южном боковом приделе; / Его душа пребывает со Христом» (*æt þam westende, / þam styple ful gehende, / on*

þam sudþortice; / seo saul is mid Criste). Предполагается, что столь точное указание места погребения связано с почитанием Альфреда как мученика [Kries 2005, pp. 49–50], которое отражено уже в «Энкомии королеве Эмме»: «Однако много чудес происходит там, где находится его гробница, как сообщают люди, которые часто говорят, что их видели»²². Повтор семантически значимого суффикса – *ende* (ср. древнеангл. существительное *ende* – «конец, окончание, смерть») в рифме *westende: gehende*, подчеркивает мысль о надвигающемся конце всей уэссекской династии и неотвратимости прихода к власти датских правителей, потомков Кнута. Отпрыск королевской крови, неприкосновенный согласно англосаксонским законам, становится жертвой, когда в страну приходят даны и похищают мир.

В поэме об Альфреде прослеживается преобразование земного человека в «небесного святого» (*heofonlic sanct*), начинающееся с рассказа о мучениях и смерти, продолжающееся в описании его погребения – участи тела, и завершающееся утверждением о его посмертной судьбе. Гибель Альфреда рассматривается в поэме не только в исторической, но и в агиографической плоскости: Альфред изображается как христианский мученик, на могиле которого творятся чудеса. При помощи хронотопа самоуправство земных владык противопоставляется той вечной справедливости, которая устанавливается на небесах: мучители Альфреда, лишившие его не только надежды на престол, но и самой жизни, не смогли воспрепятствовать его вечному спасению. Создатель поэмы находит оптимистическое решение для своей трагической антитезы – окончание земного пути мученика ведет к вечному райскому блаженству.

6. Хронотоп в поэме «Кончина Эдуарда»

Пространственно-временными координатами задается и композиция поэмы, посвященная кончине короля Эдуарда Исповедника: «Тогда король Эдуард, господин англов, / вверил свою благочестивую душу Христу, / Господней заботе – дух святой» – *Her Eadward kingc, Engla hlaford, / sende soþfæste sawle to Criste / on godes wæra, gast haligne*²³. Наречие места (*Her* – «здесь») приобретает в контексте поэмы временное значение («тогда»): время наделяется

²² *Encomium Emmae Reginae* / ed. by A. Campbell. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 44–46.

²³ Текст поэмы «Кончина Эдуарда» цит. по: *The Anglo-Saxon minor poems*. P. 25–26; перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

пространственным измерением. Создатель поэмы рассказывает о длительности правления короля и о том, какие народы он сплотил под своею короной: «Здесь в миру он жил до времени... двадцать четыре с половиной года по счету зим, / знатный властитель разделял богатства; / повелитель мужей, отпрыск Этельреда, / много прославленный, правил валлийцами и скоттами, / и бриттами также, англами и саксами, боевыми мужами». Эдуард пришел к власти после смерти Хардакнута в июне 1042 г., а скончался в январе 1066 г., следовательно, правил 23 с половиной года. В поэме не сообщается точная дата кончины Эдуарда, но говорится лишь, что это произошло через 24 года (Вустерская рукопись) или через 24 с половиной года (Абингдонская рукопись) после его восшествия на престол: «двадцать четыре с половиной года по счету зим разделял богатства» – XXIII *wintra gerimes weolan brytnode*, 6a-7). Формульное выражение «расточать богатство по счету зим» воспроизводится во втором временном ориентире, который относится в поэме к владычеству данов: «28 зим по счету, расточали богатство» (XXVIII *wintra gerimes welan brytnodon*, 20b-21). Датское правление началось с вторжения Свейна, изгнавшего Этельреда в Нормандию в ноябре 1013 г., и закончилось со смертью Хардакнута в июне 1042 г., т. е. продолжалось 28 с половиной лет с перерывами.

Абсолютное исчисление времени дополняется в поэме генеалогическим: в обозначениях правителя акцентируется генеалогия Эдуарда, который именуется «отпрыском Этельреда» (*byge ædelredes*). Имя Этельреда упоминается в поэме еще раз в связи событиями прошлого, «когда Кнут взял верх над родом Этельреда» (*kynn Ædelredes*), т. е. над Эдуардом и его младшим братом Альфредом. Создатель поэмы, возможно, обыгрывает имя отца Этельреда, называя Эдуарда «искусным в советах» (*cræftig ræda*), ведь имя Этельреда (*Ædelrædes*) значит «благородный совет». События прошлого, воскрешаемые в поэме, включают изгнание юного Эдуарда в Нормандию во времена скандинавского господства: «Был блажен духом король безгрешный, / хотя много раньше, лишенный страны, / он жил на дорогах изгнания далеко на земле, / когда Кнут взял верх над родом Этельреда, / и даны правили дорогим королевством, землями англов, 28 зим по счету, расточали богатство». Хронотоп объединяет временную характеристику изгнания Эдуарда (28 зим) и его пространственные координаты («жил на дорогах изгнания далеко на земле» – *wunode wræclastum wide geond eorðan*). Локализация в пространстве подчеркивается в изображении возвращения Эдуарда на родину, где он, подобно германскому вождю, защищает отчизну, страну и народ (*edel bewerode, // land and leode*).

В соответствии с канонами героической поэзии, Эдуард изображается щедро раздающим богатства тем народам, которыми он правит во всех концах королевства: *Walum and Scottum and Bryttum eac... Englum and Sexum* – «валлийцами и скоттами и бриттами также... англами и саксами». Перечень этнонимов, напоминающий тулы из поэмы «Видсид», способствует выделению основных черт Эдуарда как правителя: доместикацию пространства, объединение королевства под властью монарха, сплочение населяющих его народов.

Создатель поэмы рассказывает о восшествии Эдуарда на престол, его правлении, кончине и посмертной судьбе: «Потом вперед выступил король, знатный в доспехах, великий достоинствами, чистый и кроткий, Эдуард благородный, защищал родину, страну и людей, пока внезапно злая смерть не пришла и не похитила такого дорогого вождя с земли. Ангелы препроводили благочестивую душу в небесный свет». Глубина чувства, испытываемого народами при кончине своего правителя, выражается при помощи эмотивного словосочетания «смерть злая» (*deað se bitera*), о которой говорится, что она «внезапно похитила» благого и справедливого короля. Словосочетание со слабым прилагательным в постпозиции композиционно сопоставлено в поэме с другим словосочетанием со слабым прилагательным в постпозиции, причем почти в непосредственном соседстве: «Эдуард благородный» (*Eadward se ædela*), что подчеркивает контекстуальную связь между ними. Соотнесенность двух субъектов действия проявляется повтором слова *æfele* в строке: *odbræt lungre becom // deað se bitera, / and swa deore genam // æfelne of eorðan* – «пока внезапно злая смерть не пришла и не похитила такого дорогого вождя с земли». Высокие достоинства Эдуарда как доброго правителя способствуют спасению его души, о которой в поэме говорится два раза, причем с помощью одного и того же выражения: в начале (*sopfæste sawle* – «благочестивая душа», *gast haligne 3* – «дух святой») и в конце (*sopfæste sawle 29*). Повтор омонимов в начале и в конце поэмы: ангелы (*englas 28*) и англы (в конвенциональном обозначении Эдуарда как «господина англов» – *Engla hlaford 2*) позволяет создать идеализированный образ короля-христианина, наделяя его самыми высокими коннотациями. Словосочетание *Engla hlaford* используется в поэме вместо синонимичных выражений, *engla waldend* и *engla drihten*, которые встречаются в Хронике и широко распространены в духовной поэзии²⁴.

²⁴ Было замечено [O'Brien O'Keefe 2005, p. 169], что формула *Engla + þeoden, waldend, etc.*, в которой первый компонент обозначает не топоним «Англы», но нарицательное существительное «ангелы», широко распространена в духовной поэзии.

С духовной поэзией сближает поэму рассказ о добродетелях Эдуарда, получающих истолкование в контексте его прошлого: даны завладели королевством на 28 лет и обрекли Эдуарда на жизнь в чужой стране, однако он не таит злых намерений и не помышляет о мщении (*bealuleas* < *bealo* – «зло, злоумышление, вред» + *leas* – «лишенный»). Эдуард остается радостным, блаженным духом (*blīðemod* < *blīðe* – «блаженный, радостный» + *mod* – «дух»), несмотря на выпавшие на его долю испытания, о которых говорится в уступительных придаточных («хотя много раньше, лишенный страны, он жил на дорогах изгнания далеко на земле»). Образ правителя, блаженного духом и простившего злые дела своим врагам, напоминает не земных владык, но героев агиографических сочинений.

Тема вечного спасения задается в поэме рассказом об управлении Эдуардом земным королевством («Здесь в миру он жил до времени в славе королевской, мудрый в советах») и о том, кому он передает его по наследству («мудрый (Эдуард) вверил королевство высокородному мужу, самому Харольду»). Оставляя преходящую, временную власть на своего законного преемника, усопший король переходит в иное вечное царство: «Ангелы препроводили благочестивую душу в небесный свет» (*englas feredon // soþfæste sawle / innan swegles leoht*). Земное царство, уязвимое под напором нормандских завоевателей, меркнет по сравнению с тем вечным светом, куда стремится душа правителя: *sende soþfæste sawle to Criste* – «вверил свою благочестивую душу Христу». Поэма об Эдуарде из Хроники – одновременно и конвенциональный панегирик правителю, и первый подступ к его житию. Агиографические мотивы, которые вплетаются в поэму, уводят ее от древнегерманских источников – хвалебной песни.

* * *

Итак, попытаемся в самом общем виде охарактеризовать те представления о времени и пространстве, которые можно наблюдать на примере поэм, включенных в Англосаксонскую хронику. Понимание времени в поэмах Хроники отличается и от индивидуального переживания времени героем лирической поэзии, и от «абсолютной эпической дистанции»²⁵, отделяющей персонажей эпоса от эпического певца и его слушателей. Так, в Беовульфе действие происходит в далеком прошлом, в незапамятные времена (*in geardagum*), а более краткие временные промежутки обозначаются при помощи неопределенных словосочетаний «сто полуто-

²⁵ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 456–464.

дий» – *hund missera* (1498, 1769) или пятьдесят зим – *fiftig wintra* (2209). Если в эпической картине мира время не обладает высокой ценностью, что побудило историков говорить о «безразличии ко времени» и «иррелевантности времени» в средневековой Европе, то в поэмах Хроники пространственно-временные координаты выступают в качестве композиционной основы, на которой строится повествование.

Как и в лирической поэзии, время в поэмах Хроники осмысливается не как цикличное, но как линейное со всей его необратимостью и неизбежностью. Если в лирике время дискретно и сводится к одному эмоционально переживаемому времени года, зимнему (Морестранник 14, Скиталец 24, 102), и к одному времени суток, раннему утру – *uht(a)*» (Жалобы жены 35, Скиталец 8), то в поэмах Хроники время измеряется при помощи конкретных, вариативных и семантически нагруженных временных единиц: «в это лето», ему исполнилось «двадцать девять зим», был миропомазан «на тридцатый год» (жизни). Начальные записи Англосаксонской хроники основаны на «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного и, подобно труду Беды, используют абсолютное календарное время от Рождества Христа. Возможно, на исчисление времени в поэмах Хроники оказал влияние трактат Беды об измерении времени (*De temporum ratione*, 725 г.), посвященный обоснованию способов определения даты Пасхи, в заключительном разделе которого идет речь о завершающей эпохе в истории, после Христа и до Судного Дня и конца света, в «последние времена», когда время близится к концу [Luizza 2013, pp. 131–154].

Сакральное время отмечается в Хронике по отношению к церковным праздникам (ср. «в день Пятидесятницы» в поэме «Коронация Эдгара»), изображаемое событие тем самым помещается в контекст христианской истории Спасения. Эпитафии Беды в «Церковной истории англов» (Григорию Великому, Феодору Тарсийскому, архиепископу Уилфриду из Йорка, правителю Кэдвалле), сочетающие указания на временное измерение (возраст священнослужителя и время его перехода в вечную жизнь) и пространственные координаты (отождествление духовного лица со всей христианской церковью и одновременно с построенными по его указанию материальными зданиями – церквями и соборами), могли повлиять на трактовку хронотопа в поэмах Хроники, изображающих окончание земного пути правителя («Кончина Эдгара», «Кончина Альфреда», «Кончина Эдуарда»).

В поэмах Хроники употребляется относительное исчисление времени с момента восшествия на престол короля (или его коронации), утверждающего его право управлять временем и установ-

ливать власть над страной, областью, местностью (ср. поэму «Завоевание пяти бургов»). Правление короля значимо для страны в течение его жизни, однако должно остаться в памяти и после его смерти и пространственного расширения границ королевства (ср. поэму о кончине Эдгара). Относительная хронология устанавливается в поэмах Хроники при помощи генеалогического метода исчисления времени, основанного на династических наименованиях правителя (ср. поэму о коронации Эдгара). Королевская генеалогия, прослеживающая происхождение правителя к его сородичам, становится в поэмах Хроники не только средством введения временных координат и исчисления времени. Перечисление имен, увековечивающее предков, подтверждает легитимность власти и позволяет правящей династии представить прошлое с точки зрения их собственной истории [Dumville 1977, p. 83]. Для временных координат поэм Хроники характерна парциальность, отнесенность к определенному периоду времени и сочетанию обстоятельств или событий, которые не могут повториться.

В поэмах Хроники используются пространственные способы представления времени, не только благодаря употреблению наречия места, приобретающего контекстуальное временное значение, но и при помощи введения хронотопа – пространственно-временных координат, исполняющих функцию нарративного центра и задающих повествовательную рамку изображения событий. Хронотоп в поэтических вставках о коронации и кончине Эдгара унаследован из прозаических записей Англосаксонской хроники, составители которой неизменно сопровождают каждое событие его пространственно-временной характеристикой, включающей указание на абсолютную хронологию *Anno Domini*. Все события, о которых говорится в прозе, соотносятся с единой точкой отсчета – Рождеством Христовым. Эта точка отсчета задается в первой прозаической записи Хроники: «Христос родился» – *Crist wæs asepned*, начиная с которой все анналы организуются по календарному принципу. В поэтических вставках присутствуют и другие черты анналистической прозы: как и прозаические записи, они начинаются с наречия «здесь, в этом месте» (“*her*” обычно переводят как «в тот год»), которое изначально восходит к условным обозначениям, принадлежащим писцу и отмечающим то место, где к анналам должен добавляться текст. Композиционно поэтические вставки близки к анналистической прозе: они включают возраст правителя, место, где произошло событие, и время, отделяющее его от Рождества Христова.

Хронотоп в «Битве при Брунанбурге» исполняет функцию расширения пространственно-временной перспективы, позволяя

оценить значение победы англосаксов для истории страны и увековечить ее в масштабах вселенной. В «Завоевании пяти бургов» хронотоп индивидуализирует ситуацию, отсылает к великому прошлому правителя, легитимизирует в памяти людей освоение нового пространства и возвращение исконных земель, обеспечивая долгую славу объекту восхваления. В поэтической вставке «Коронация Эдгара» Миролюбивого хронотоп выполняет функцию уподобления коронации земного монарха посвящению в чин духовного лица и удостоверяет господство короля над сакральным местом. Хронотоп поэмы «Кончина Эдгара» приобретает апокалиптический символизм, устанавливая пространственно-хронологическую обусловленность природных катаклизмов и бедствий в стране кончины короля. В поэме «Кончина Альфреда» хронотоп наделяется аллюзивными функциями, позволяющими противопоставить былое величие бесславному настоящему, а земные страдания мученика – вечному райскому блаженству, ожидающему его после окончания земного пути. Хронотоп в поэме «Кончина Эдуарда Исповедника» вводит контраст преходящей, временной власти над земным королевством, которая передается достойному преемнику (Харольду), и перспективы спасения в ином вечном царстве, позволяя соединить конвенциональный панегирик правителю с мотивами, традиционными для агиографии. Подобно германскому эпосу, поэма о кончине Эдуарда Исповедника обращена в прошлое и проникнута ностальгией по мирным временам, с которыми ассоциировалось правление последнего уэссекского короля. С кончиной Эдуарда угасла не только династия уэссекских королей, правившая страной пять с половиной столетий, но и традиция аллитерационного стиха в Англии.

Литература

- Гвоздецкая 2000 – Гвоздецкая Н.Ю. Поэтическое осмысление англосаксонской истории в «Битве при Бруннбурге» // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (исследования и тексты): Сб. научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Иваново, 2000. С. 73–88.*
- Смирницкая 1982 – Смирницкая О.А. Битва при Бруннбурге // *Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. С. 304–305. (Литературные памятники)*
- Bredehoft 2001 – Bredehoft T.A. Textual histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle. Toronto, 2001. 229 p.
- Carroll 2007 – Carroll J. Engla Waldend, Rex Admirabilis: Poetic representations of King Edgar // *The Review of English Studies. New Series. 2007. Vol. 234. No. 58. P. 113–132.*

- Cavill 2008 – *Cavill P.* The site of the battle of Brunanburh: Manuscripts and maps, grammar and geography // *A commodity of good names: Essays in honour of Margaret Gelling* / ed. by O. Padel, D. Parsons. Donnington: Shaun Tyas, 2008. P. 303–319.
- Cavill 2011 – *Cavill P.* The place-name debate // *The battle of Brunanburh: A casebook* / ed. by M. Livingston. Liverpool: Liverpool University Press, 2011. P. 251–276.
- Cavill 2023 – *Cavill P.* The battle of Brunanburh: The Yorkshire hypothesis // *English Studies*. 2023. Vol. 104. No. 1. P. 19–38.
- Clarke 2012 – *Clarke K.* Writing power in Anglo-Saxon England. Texts, hierarchies, economies. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2012. 206 p.
- Dumville 1977 – *Dumville D.N.* Kingship, genealogies and regnal lists // *Early Medieval kingship* / ed. by P.H. Sawyer, I.N. Wood. Leeds: University of Leeds, 1977. P. 72–104.
- Karkov 2004 – *Karkov C.E.* The ruler portraits of Anglo-Saxon England. Woodbridge: Boydell, 2004. 240 p.
- Kries 2005 – *Kries S.* Danish rivalry and the mutilation of Alfred in the 11th-century chronicle poem 'The Death of Alfred' // *Journal of English and Germanic Philology*. 2005. Vol. 104. No. 1. P. 49–50.
- Luizza 2013 – *Luizza R.* The sense of time in Anglo-Saxon England // *Bulletin on the John Rylands University Library of Manchester*. 2013. Vol. 89. No. 2. P. 131–154.
- O'Brien O'Keefe 1990 – *O'Brien O'Keefe K.* Visible song: Transitional literacy in Old English verse. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 228 p.
- O'Brien O'Keefe 2005 – *O'Brien O'Keefe K.* Deaths and transformations: Thinking through the 'End' of Old English verse // *New directions in oral theory* / ed. by M. Amodio. Arizona: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2005. 341 p.
- Salvador-Bello 2008 – *Salvador-Bello M.* The Edgar panegyrics in the Anglo-Saxon Chronicle // *Edgar, King of the English 959–975. New interpretations* / ed. by D. Scragg. Woodbridge: Boydell, 2008. P. 252–272.
- Smith 2011 – *Smith S.T.* The Edgar poems and the poetics of failure in the Anglo-Saxon Chronicle // *Anglo-Saxon England*. 2011. Vol. 39. P. 105–137.
- Stenton 1971 – *Stenton F.* Anglo-Saxon England. Oxford: Oxford University Press, 1971. 807 p.
- Trilling 2009 – *Trilling R.R.* The aesthetics of nostalgia. Historical representation in Old English Verse. Toronto, 2009. 352 p.

References

- Bredehoft, T.A. (2001), *Textual histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle*, Toronto, Canada.
- Carroll, J. (2007), "Engla Waldend, Rex Admirabilis: Poetic representations of King Edgar", *The Review of English Studies. New Series*, vol. 234, no. 58, pp. 113–132.

- Cavill, P. (2008), "The site of the battle of Brunanburh: Manuscripts and maps, grammar and geography", in Padel, O. and Parsons, D., eds., *A commodity of good names: Essays in honour of Margaret Gelling*, Shaun Tyas, Donnington, UK, pp. 303–319.
- Cavill, P. (2011), "The place-name debate", in Livingston, M., ed., *The battle of Brunanburh: A casebook*, Liverpool University Press, Liverpool, UK, pp. 251–276.
- Cavill, P. (2023), "The battle of Brunanburh: The Yorkshire hypothesis", *English Studies*, vol. 104, no. 1, pp. 19–38.
- Clarke, K. (2012), *Writing power in Anglo-Saxon England. Texts, hierarchies, economies*, Boydell and Brewer, Woodbridge, UK.
- Dumville, D.N. (1977), "Kingship, genealogies and regnal lists", in Sawyer, P.H. and Wood, I.N., eds., *Early Medieval kingship*, University of Leeds, Leeds, UK, pp. 72–104.
- Gvozdet'skaya, N.Yu. (2000), "The poetic view of Anglo-Saxon history", in *Formy istoricheskogo soznaniya ot pozdnei antichnosti do epokhi Vozrozhdeniya (issledovaniya i teksty): Sbornik nauchnykh trudov pamyati Klavdii Dmitrievny Avdeevoi* ['The Battle of Brunanburh' in forms of historical awareness from Late Antiquity to the Renaissance (studies and texts). Collected scholarly studies in memory of Klavdia Avdeeva], Ivanovo, Russia, pp. 73–88.
- Karkov, C.E. (2004), *The ruler portraits of Anglo-Saxon England*, Boydell, Woodbridge, UK.
- Kries, S. (2005), "Danish rivalry and the mutilation of Alfred in the 11th-century chronicle poem 'The Death of Alfred' ", *Journal of English and Germanic Philology*, vol. 104, no. 1, pp. 49–50.
- Luizza, R. (2013), "The sense of time in Anglo-Saxon England", *Bulletin on the John Rylands University Library of Manchester*, vol. 89, no. 2, pp. 131–154.
- O'Brien O'Keefe, K. (1990), *Visible song: Transitional literacy in Old English verse*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- O'Brien O'Keefe, K. (2005), "Deaths and transformations: Thinking through the 'End' of Old English verse", in Amodio, M., ed., *New directions in oral theory*, Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, Arizona, USA.
- Salvador-Bello, M. (2008), "The Edgar panegyrics in the Anglo-Saxon Chronicle", in Scragg, D., ed., *Edgar, King of the English 959–975. New interpretations*, Boydell, Woodbridge, UK, pp. 252–272.
- Smirnit'skaya, O.A. (1982), "The battle of Brunanburh", in Smirnit'skaya, O.A. and Tikhomirov, V.G., comps., *Drevneangliiskaya poeziya* [Old English poetry], Moscow, USSR, pp. 304–305. (*Literaturnye pamyatniki*)
- Smith, S.T. (2011), "The Edgar Poems and the Poetics of Failure in the Anglo-Saxon Chronicle", *Anglo-Saxon England*, vol. 39, pp. 105–137.
- Stenton, F. (1971), *Anglo-Saxon England*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Trilling, R.R. (2009), *The aesthetics of nostalgia. Historical representation in Old English verse*, Toronto, Canada.

Информация об авторе

Инна Г. Матюшина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; innamat@hotmail.co.uk

Information about the author

Inna G. Matyushina, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; innamat@hotmail.co.uk